

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK226.pdf>

DOI: 10.15862/53SCSK226 (<https://doi.org/10.15862/53SCSK226>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Невеличко, Л. Г. Бедность как социальная проблема российского общества: социокультурное измерение и трансформация общественного восприятия / Л. Г. Невеличко, И. М. Воротилкина, Н. В. Белкина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK226.pdf>. DOI: 10.15862/53SCSK226.

For citation:

Nevelichko L.G., Vorotilkina I.M., Belkina N.V. Poverty as a social problem in russian society: sociocultural dimensions and the transformation of public perception. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 53SCSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK226.pdf>. DOI: 10.15862/53SCSK226. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 31

Невеличко Любовь Григорьевна

ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Биробиджан, Россия
Доцент кафедры «Социальной работы»
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: lnvelichko@bk.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=655894

Воротилкина Ирина Михайловна

ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Биробиджан, Россия
Заведующий кафедрой
Доктор педагогических наук, профессор
E-mail: btb-irina@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9976-0998>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=291580
SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57188718369>

Белкина Наталья Васильевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет имени М. П. Даниловского», Хабаровск, Россия
доцент высшей школы теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: belkina.natalia@gmail.com
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1012889

**Бедность как социальная проблема
российского общества: социокультурное измерение
и трансформация общественного восприятия**

Аннотация. Исследование посвящено изучению бедности как системного явления, требующего комплексного подхода к определению её сущности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления социокультурной природы бедности, а также анализом динамики общественного отношения к данной категории граждан.

Цель исследования — обоснование приоритетных направлений социальной политики с учётом регионального и ментального контекста.

Задачи — определить социокультурные особенности феномена бедности в современной России, — проанализировать трансформацию общественных установок по отношению к малоимущим.

Методология. Исследование опирается на концепции социал-дарвинистского и эгалитаристского направлений. Эмпирическую базу составили данные социологических исследований, проведенных в Еврейской автономной области (ЕАО) в 2014, 2018 и 2024 гг. (N = 340), а также статистические данные Росстата. Используются методы структурно-функционального, сравнительного и факторного анализов.

Результаты. Доказано, что бедность является фактором социальной аномии и стигматизации, что свидетельствует об ослаблении исторически свойственной российскому менталитету общинной солидарности.

Установлено, что бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая особого отношения, все дальше отодвигаются на периферию сознания наших сограждан.

Обосновано, что помощь бедным все больше уходит из актуальной для большинства населения страны «повестки дня», что является фактором социальной напряжённости в обществе. раскол в социальной сфере сопровождается расколом мировоззренческим, что представляет реальную угрозу целостности национальной идентичности.

Вывод: Преодоление бедности требует выхода за рамки исключительно экономических мер. Эффективная социальная политика должна базироваться на фундаментальных основах российской цивилизации, учитывать культурно-исторические архетипы взаимопомощи и быть направленной на преодоление социального отчуждения, консолидацию общества и возрождение механизмов солидарности между различными социальными группами.

Ключевые слова: бедность; социальная эксклюзия; андеркласс; субкультура бедности; менталитет; стигматизация; социальная солидарность

Введение

Феномен бедности выступает не только как макроэкономическая проблема, но и как многомерный социокультурный конструкт, детерминирующий социальную напряженность, трансформацию общественных отношений и процессы социальной эксклюзии. В условиях постиндустриальной трансформации российского общества бедность перестает быть исключительно характеристикой экономического положения индивида, приобретая статус устойчивого социального статуса и формируя специфическую субкультуру.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления социокультурной природы бедности, выявления разрыва между объективными статистическими показателями и субъективным восприятием малоимущими своего положения, а также анализом динамики общественного отношения к данной категории граждан.

Степень разработанности проблемы. Классические и современные подходы к изучению бедности представлены в трудах А. Смита, Г. Спенсера, О. Льюиса, К. Маркса, П. Таунсенда, А. Сена, П. Абрахамсона.

В отечественной социологии фундаментальный вклад в изучение стратификации и социальной эксклюзии внесли П. А. Сорокин, Н. И. Лапин, Т. И. Заславская, К. Н. Григорьев. Изучение трудов ученых позволило прийти к убеждению, что глубокого эмпирического и

теоретического осмысления требует проблема социокультурной адаптации бедности и трансформации ментальных установок российского общества по отношению к малоимущим.

Цель исследования заключается в определении социокультурных особенностей феномена бедности в современной России, анализе трансформации общественных установок по отношению к малоимущим и обосновании приоритетных направлений социальной политики с учетом регионального и ментального контекста.

Методология и эмпирическая база. Исследование опирается на принципы структурно-функционального, сравнительного и факторного анализов. Теоретическую базу составили концепции депривации, социальной эксклюзии и субкультуры бедности. Эмпирическую базу составили данные социологических исследований, проведенных в Еврейской автономной области (ЕАО) в 2014 и 2024 гг. (метод анкетного опроса, квотная выборка по полу и возрасту, N = 230), а также статистические данные Росстата.

Бедность является неизменным спутником человечества. Она протекает в условиях тяжелейшей борьбы за выживание, в преодолении разнообразных лишений, в многомерных депривациях, лишаящих человека права на достойное существование. Бедность не существует сама по себе как личная проблема человека, оказавшегося вследствие собственной неспособности либо неадекватности в положении малоимущего.

Бедность — сложный, многогранный феномен, обусловленный различными и взаимосвязанными причинами, определяющие такое экономическое положение индивида или социальной группы, при котором индивид не может позволить себе удовлетворить минимальный круг потребностей. Это определение в определенной степени абстрактно, поскольку «минимальный круг потребностей» определить крайне сложно, поскольку уровень бедности зависит от историко-психологических норм и характеристик общества. Это явление — причина, и отягощающий фактор многих проблем различного характера: экономических, демографических, социальных.

Экономический аспект проблемы бедности заключается в том, что среди бедных нет высококвалифицированных работников в силу их неполноценного потребления и возможностей, они являются низкооплачиваемыми кадрами, следовательно их потребительская активность действительно часто ниже, чем у более обеспеченных слоёв [1].

Бедность, несомненно, — *социальная* проблема, поскольку неизбежные спутники бедности — алкоголизм, наркомания, криминализация, рост психических заболеваний, снижение интеллектуального потенциала общества — Все это приводит к сокращению численности населения, его деградации, дегуманизации общественных отношений. Кроме того, такие условия существования вступают в противоречие с декларируемым идеалом свободной человеческой личности, закрепленного в различных документах о правах человека.

Бедность — это в значительной степени и *социокультурная* проблема.

Разнообразные депривации затрудняют, а во многих случаях делают невозможным полноценное участие в общественной жизни бедного населения, тем самым запуская процесс формирования низших маргинализированных социальных групп. «Оседание» на социальное дно неизбежно приводит к формированию андеркласса — социального слоя вне общества, общепризнанной культуры, людей, лишенных принятого в данном социуме образа жизни. Консервация бедности порождает процессы стабильного воспроизводства обездоленного населения, своеобразную передачу бедности «по наследству». За этим кроются не только личные тяготы и лишения людей, оказавшихся «за бортом» общественной жизни: рост бедных приводит к нестабильности общественного сознания, формирует негативное отношение к малоимущим. Это подтверждается многочисленными исследованиями, которые отмечают как тревожный сигнал наблюдаемую тенденцию ухудшающегося отношения к бедным [1].

Сам вид бедняков и их среды обитания может оскорблять эстетические чувства более успешных сограждан; в результате происходит сегрегация внутригородского пространства и возникают отдельные территориальные сегменты богатства и бедности, населенные фактически разными группами населения.

Поляризация общественных отношений таит в себе немало рисков, один из которых — угроза единству страны. Между тем социальные катастрофы современного общества, вызванные глобальными экономическими кризисами, военными угрозами, обострившимися межнациональными отношениями, миграционными процессами актуализировали проблему гуманизации общественных отношений как единственного условия социальной стабильности государства.

Исторический опыт показывает, отсутствие солидарности в обществе затрудняет проведение реформ, снижает доверие к властным инициативам, формирует протестные настроения. Еще в работах Аристотеля, Платона, Конфуция указывалось на то, что неравномерность распределения доходов является причиной нестабильности в обществе, а сословное деление должно строиться на принципах справедливого распределения благ.

1. Теоретико-методологические основания изучения бедности

Современная классификация научных подходов изучения бедности представлена в двух основных направлениях. Первые исследования проблем бедности зарождаются в Европе и относятся к концу XVIII — первой половине XIX века. Представителями первого направления, социал-дарвинистского, были сторонники взглядов Д. Рикардо, А. Смита, Р. Мальтуса, Г. Спенсера и др. английских утилитаристов, стоящих на позициях радикального буржуазного либерализма и индивидуализма. Мыслители этого направления считали, что бедность — продукт перехода от традиционного общества к индустриальному, который неизбежно будет сопровождаться безработицей и бедностью.

Такие выводы стали не только оправданием растущей конкуренции, рыночным отношениям, обнищанию значительного числа трудового населения, но и привели к созданию новой идеологии, которой и стали идеи протестантской Реформации, сформировавшей жесткое и презрительное отношение к бедности и бедным вообще. Бедность в протестантизме не рассматривается как явление, нуждающееся в сострадании и милосердии. Она рассматривается как показатель богооставленности человека, неудачника.

В трудах Адама Смита положения протестантской этики нашли следующее выражение: «Отсутствие средств к жизни, сама нищета возбуждают к себе небольшое сочувствие, ... вызывают наше сострадание, однако трогают нас неглубоко. Мы с презрением относимся к нищему, и, хотя своей докучливостью он вымаливает себе подавание, он редко бывает предметом глубокого сострадания» [2].

Эти взгляды получили развитие и стали идеологией в естественнонаучных теориях, ярким представителем которой стал Г. Спенсер, не рассматривающий бедность как социальное явление, неизбежное следствие неравномерности распределения ресурсов [3].

Бедность, по мнению Г. Спенсера, есть личная судьба, сложившаяся в силу личностных особенностей характера. Г. Спенсер как убежденный либерал был категоричен в отрицании социально-экономических взаимоотношений государства и общества с целью повышения благосостояния несостоятельных граждан. Общество, считал Г. Спенсер, — часть природы и подчиняется закону естественной причинности, следовательно, нарушение этого закона в виде помощи обедневшему населению приводит к нарушению системы, т. е., к нарушению социального порядка [3].

В XX веке идеи социал-дарвинизма получили дальнейшее развитие в трудах Оскара Льюиса, который ввел в широкий научный обиход понятие «культура (субкультура) бедности». Согласно этой концепции, индивид в процессе социализации усваивает «...образ жизни, который однажды возникнув, передается из поколения в поколение по семейной линии...» преумножая себя, а также формирует индивидуальный «психо-социальный профиль», препятствующий борьбе с собственной бедностью [4].

Так, бедняки, в представлениях О. Льюиса, родившиеся и выросшие в условиях нищеты, не знают другой жизни, принимают ее как данность. Вследствие этого у них нет целей, не сформирована мотивация к движению вперед и нет стимулов к работе. Следовательно, заключает О. Льюис, бедность не только «вина» и судьба самих бедняков, но и определенная культура бедности, образ жизни, передающийся из поколения в поколение. Интериоризация индивидами социального опыта, порожденного средой, условиями проживания формирует определенный габитус, отражающий новый опыт и ментальные структуры.

Объяснение этому дает Марта Фарах, директор Центра когнитивной нейрофизиологии при Университете Пенсильвании. Проведенные исследования показали, что у детей в слоях с низким и средним социально-экономическим статусом совсем иное представление о мире, они имеют худшие когнитивные показатели по сравнению с детьми со средним социально-экономическим статусом. Причина этого в том, утверждает Марта Фарах, что детство, полное лишений, влияет на физическое развитие мозга и дает его обладателю ущербный интеллектуальный потенциал, не позволяя и в последствии вырваться из бедности.¹

Американский социолог Чарльз Мюрре, продолживший традицию О.Льюиса, считал, что единственным стимулом, мотивирующим обитателей социального дна к труду, может стать прекращение всяческих поддерживающих выплат.²

Д. Рикардо, Т. Мальтус и Ж. Б. Сей видели в рыночных механизмах силу, которая поддерживает бедность как постоянный элемент системы, а человек, как считали ученые, должен сам заботиться о собственном благополучии и благополучии своей семьи и лично сам отвечать за свою непредусмотрительность при реализации биологически присущей ему способности к продолжению рода [5].

Принципиально отличались по взглядам от социал-дарвинистского направления, в том числе и в объяснении причин бедности, сторонники *эгалитаристского* направления, основоположниками которого стали К. Маркс [6], Ф. Энгельс [7], а также Э. Реклю [8]. Если социал-дарвинисты были сторонниками личной ответственности за бедность, то идеологи эгалитаристского направления считали истоками бедности систему, эксплуатацию трудящихся правящим классом. Эгалитаристы считали бедность позорным явлением, социальным злом, победить которое могут только пролетарская революция и радикальное переустройство общества.

Подходом, интегрирующим идеи социал-дарвинистского и эгалитаристского направлений, стали исследования Герберта Ганса и Дункана Галли, которые пришли к выводу о необходимости устранения барьеров социальной мобильности, снижающих мотивацию к труду у малообеспеченного населения, устранения структурных противоречий, приводящих к появлению и росту к бедности, и вовлечению малообеспеченных к участию в программах, формирующих чувство социальной ответственности у этой группы населения и нейтрализуя их иждивенческие настроения.

¹ Умственные способности в равной степени зависят и от генетики, и от обстановки URL: <https://psyjournals.ru/news/364?ysclid=mr7mmjz5kh164483492> (дата обращения 05.07.26).

² Теория «отсутствия стимула к труду», которая вскоре лишит работы миллионы людей, основана на книге, написанной в эпоху Рейгана и вызывающей расовые подозрения URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e49eb5d7-6a6879e0-314f2560-74722d776562/https/www.businessinsider.com/unemployment-benefits-welfare-queen-reagan-book-work-disincentive-labor-market-2021-5 (дата обращения 04.07.2026).

В современной науке преодолён редукционизм, рассматривавший бедность исключительно как нехватку финансовых ресурсов или наличие врожденных личностных качеств, которые в сочетании с определёнными жизненными обстоятельствами повышают риск формирования маргинального образа жизни. Современный этап изучения проблем бедности представлен концептуальным переворотом А. Сена, предложившего принципиально новый взгляд на бедность не как на следствие просто низкого дохода, а как на системное лишение людей реальных возможностей реализовывать себя [9].

Масштабное исследование П. Таунсенда, изложенное в работе «Бедность в Соединенном Королевстве» серьёзно изменило подходы к изучению бедности. Автор не только ввел понятие относительной бедности, но и показал глубину переживаемого бедняками состояния: доказав, что индивиды считаются бедными, не только потому, что они не имеют общепринятый уровень жизни, но еще и потому, что не могут участвовать в принятых в данном обществе активностях [10]. Ключевая идея Таунсенда — отойти от чисто статистического, «замерзшего» взгляда на бедность (только по уровню дохода) и ввести понятие относительной депривации. Он указывал, что бедность нельзя сводить к физическому выживанию, определял бедность не просто как нехватку денег, а как неспособность человека или семьи вести образ жизни, который считается нормальным и приемлемым в данном обществе. То есть бедность — это не только отсутствие материальных благ, но и исключение из полноценной социальной жизни: невозможность позволить себе отпуск, хобби, участие в общественной деятельности, качественное питание и так далее.

П. Абрахамсон развил тему социальной депривации в статье «Социальная эксклюзия и бедность» [11], в которой исследователь провёл важное различие между бедностью и социальной эксклюзией, подчеркнув, что бедность — это статичное состояние, связанное с нехваткой ресурсов, а социальная эксклюзия — динамичный процесс исключения из участия в социальном обмене. Уточним, корпус трудов по изучению бедности представлены в основном зарубежными именами. Это объясняется тем, что в советской официальной риторике термин «бедность» применительно к собственному обществу почти не использовали. Идеологема гласила: в социалистическом обществе бедность ликвидирована, а её проявления — пережитки прошлого или «социальные язвы» капитализма. Поэтому в публикациях того времени бедность либо «растворялась» в анализе дореволюционной жизни, либо сводилась к критике Запада.

Бедность, бесспорно, — одна из самых острых социальных проблем. Состояние бедности разрушает личность, лишая ее достойного человека образа жизни. Но не меньшую угрозу представляет восприятие благополучной частью общества бедного населения, отмечал У. Бек в своей работе «Общество риска». Негативное отношение к представителям андеркласса становится причиной социального напряжения и конфликтов в обществе: неравенство классов и социальных слоев таит в себе риски социально опасных ситуаций [12]. Один из таких рисков заключается в разрушении стабильности общественного сознания.

Обращаются к проблемам социального неравенства и социальной стратификации такие российские социологи, как А. А. Галкина, З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина, Е. Д. Игитханян, В. И. Ильина, О. Крыштановская, Г. Силласте, Н. Е. Тихонова и др. Проблема бедности и стратификации социума на региональном уровне освещена в работах А. И. Сухарева.

Н. И. Лапин рассматривал бедность через призму социальной эксклюзии, подчеркивая, что в России этот процесс сопровождается не только экономическим, но и культурным отчуждением периферийных групп от центра [13].

Т. И. Заславская указывала на то, что трансформация российского общества породила специфический механизм стратификации, где бедность становится не временным состоянием, а устойчивым социальным статусом, формирующим особую субкультуру [14].

2. Ментальные основания отношения к бедности в России

Индикатором оформления и развития разрушительного процесса является отношение россиян к бедности. Если более десяти лет назад бедные еще вызывали у россиян сочувствие и жалость, то современные исследования показывают, что доминирующее отношение к обществу к бедным тоже меняется³ [15].

Образ «благородного бедняка» как нравственного мерила в противовес общему «стяжательству» сильно поблек [15]. Одно дело, когда человек оказывается в бедности из-за потери кормильца, тяжелой болезни, либо обстоятельств, не включенных в реестр государственной помощи. Такие формы лишений по-прежнему заслуживают сочувствия и участия россиян. Другое дело, когда бедность воспринимается не как данность, а как следствие определенных деструктивных обстоятельств, обусловленных личностными особенностями человека («сам виноват»). В этом случае состояние обездоленности воспринимается как форма бытия, неприемлемая с точки зрения экономических и морально-этических норм. Наибольшего осуждения заслуживают распространенные в бедных слоях пьянство, наркомания, грубость, другие асоциальные проявления, ставшие устойчивыми символами этого класса. Все это выражается в специфической субкультуре бедности, современный портрет которой имеет в глазах относительно благополучных соотечественников следующие характеристики:

- экономическая и социальная зависимость;
- отсутствие четких моделей ролевого поведения;
- девиантное поведение: наркомания, алкоголизм, проституция;
- отчуждения и политическая пассивность;
- отсутствие жизненных планов и уверенности в себе;
- повышенная конфликтность внутрисемейных отношений;
- доминирующее отношение женщины в семье;
- ранний секс;
- поклонения физической силе [16–19].

Поэтому помощь бедным, находящимся в этой крайней точке существования, уже не является актуальной для большинства наших сограждан, и сами бедные как специфическая социальная группа все дальше перемещаются на периферию сознания россиян, формируя представление о маргиналах как андерклассе с особыми, присущими только этой группе, поведенческими нормами и образом жизни. Несмотря на то, что в 2025 году, по данным Росстата, доход ниже прожиточного минимума имели 9,8 млн человек (в 2024-м таких было 10,3 млн. В процентном соотношении доля снизилась с 7,1 % бедных в 2024 году до 6,7 % в 2025-м)⁴, следовательно, являются бедными, масштаб потенциального отчуждения внутри российского общества не может не вызывать тревогу.

³ Аналитический доклад "Бедность и неравенства: 10 лет спустя". URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html).

Динамика социально-экономического поведения российских домохозяйств (1994–2016 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 8 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан. (объем 10 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. — 191 с.: илл. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см. С. 8–99. DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0.

⁴ Росстат: численность бедных в РФ в 2025 году снизилась до 9,8 млн человек. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/rosstat-chislennost-bednyh-v-rf-v-2025-godu-snizilas-do-9-8-mln-chelovek> (дата обращения 04.07.26).

Не стали исключением результаты исследований аналогичной тематики, проведенные в ЕАО в 2014, 2018, 2024 годах. Объект исследования — население Еврейской автономной области в возрасте от 18 лет и старше, предмет исследования — мнения, оценки и установки населения ЕАО, определяющие их отношение к бедным.

Для изучения отношения населения к бедным использовался метод анкетного опроса. Отбор респондентов квотный — по половозрастным характеристикам населения. Объем выборки в 2014 г., репрезентировавшей население по полу, возрасту и типу поселения, составил 120 человек, в 2018 году — 110, в 2024 г. — 110. На вопрос, как они относятся к бедным, респондентам было предложено выбрать соответствующий ответ: «с состраданием», «равнодушно», «с презрением». Ответы жителей ЕАО распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Отношение жителей ЕАО к бедным

Относятся	2014 г.(N = 120)		2018 г.(N = 110)		2024 г. (N = 110)	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
С состраданием	65	54,2 %	44	40,4 %	36	32,7
Равнодушно	34	28,3 %	25	22,4 %	29	26,3
С презрением	21	17,5 %	41	37,2 %	23	21,0 %
Затруднились ответить	—	—	—	—	22	20,0 %
Итого	120	100 %	110	100 %	110	100 %

Составлено авторами

Лонгитюдный анализ отношения жителей ЕАО к бедным за десятилетний период (2014–2024 гг.) показал, что доминирующей эмоцией к бедности еще является сострадание, т. е. позитивное отношение. В то же время значительная часть населения уже испытывает к бедным скорее негативные чувства, и отношения населения к бедным заметно ухудшается.

Если в 2014 г. доминировал патерналистский тип отношения, основанный на сострадании (54,2 %), то к 2018 г. на фоне социально-экономических трансформаций произошла неоконсервативная реакция: уровень негативного отношения к бедным вырос до 37,3 %, бедность начинает восприниматься не как трагедия, а как личная неудача, следствие лени, неумения адаптироваться к рынку или дурных привычек. Объясняем это защитной реакцией успешных (или считающих себя таковыми) групп, пытающихся рационализировать свой статус: «я живу неплохо, потому что я стараюсь, а он беден, потому что он виноват сам».

Однако к 2024 г. фиксируется принципиально новая тенденция — не возврат к солидарности, а рост социальной апатии и аномии. Доля сострадания упала до исторического минимума (32,7 %), при этом пятая часть респондентов (20,0 %) затруднилась сформулировать свое отношение. Это свидетельствует о том, что бедность перестает быть объектом как общественной жалости, так и морального осуждения, превращаясь в зону социального отчуждения.

3. Социокультурные последствия бедности: формирование андеркласса

Дисбаланс интересов социальных групп, критическое сужение уровня потребления бедными основных жизненных благ вплоть до исключения от общепринятых норм жизни, отчуждение человека от человека — индикаторы опасных тенденций, несущих в себе риски дестабилизации социума и нарушений пропорций социального функционирования.

Как указывает социолог В. Красин, «...поляризация общественных отношений и рост социального отчуждения таит в себе не только экономические, но и глубокие политические риски».

Дисбаланс интересов социальных групп и критическое сужение уровня потребления бедными ведут к дестабилизации социума. Опасность подобной стратификации выходит за рамки чисто социальных конфликтов [20]. Игнорирование проблемы бедности и маргинализации значительных слоев населения создает системные угрозы для политической стабильности и целостности государства».

А между тем сопереживание, отзывчивость, терпимое отношение к бедности — характерная историческая черта российского менталитета, проистекающая из примата души и духа над всеми остальными сторонами жизнедеятельности человека. Зарубежные исследователи такое отношение россиян к бедности объясняют упрощенно и рационально. В обобщенном виде подобные исследования представлены высказыванием американского историка Ричарда Пайпса: «Страна в основе своей настолько бедна, что позволяет вести в лучшем случае скудное существование. Бедность эта представляет населению весьма незначительную свободу действий, понуждая его существовать в условиях резко ограниченной возможности выбора» [21]. То есть, бедность с точки зрения Запада для русского человека — это исторически обусловленное, естественное и единственно возможное состояние.

Действительно, истоки сложившейся системы прочных приобретенных качеств русского этноса отчасти объясняются особенностями ландшафта, в условиях которого он складывался, поскольку природа является формирующим фактором характера нации, определяющим основные характерологические черты этноса. «Душа народа, утверждал философ И. А. Ильин, — находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями и потому не может быть достаточно объяснена и понята без этой взаимосвязи» [22].

У Л. Н. Гумилева находим подтверждение тому, что природа оказывает большое влияние на человека, его национальный характер и в целом судьбу народа: «Этносы всегда связаны с природными условиями, с ландшафтами. Ландшафт определяет возможности этнического коллектива применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, которая становится для потомков близкой и дорогой. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях». Известный тезис Л. Гумилева о том, что этнос — оригинальная форма адаптации *Homo sapiens* к биоценозу своего «кормящего» ландшафта, связанная с природными условиями через активную хозяйственную деятельность и проявляющаяся в двух направлениях: приспособление себя к ландшафту и ландшафта к себе [23] соотносится с утверждением М. Вебера о стереотипности массового действия, которое только тогда приобретает характер социального действия, когда стереотип поведения индивидов становится основой их взаимодействия [24].

А жизнь великороссов протекала в малопригодных для сельскохозяйственной деятельности суровых природно-климатических условиях на бескрайних равнинах северной части Европы и Азии с холодной и долгой зимой, коротким и непредсказуемым летом. Суровый климат и природные условия должны были обусловить стремление россиян к обогащению, физическому выживанию любой ценой. Но вопреки логике и здравому смыслу по западным образцам скудость существования сформировала и закрепила на ментальном уровне такие основные черты российского этноса, как непритязательность потребностей, долготерпение, готовность к самопожертвованию, сострадание, которые и стали гарантом его выживания.

Кроме того, особенности ландшафта не способствовали развитию индивидуальной деятельности, напротив, выжить индивид мог только в условиях коллективной деятельности, солидарности, общинной организации бытия. Такой характер деятельности требовал формирования специфических механизмов взаимодействия, взаимоотношений между индивидами, определенной внутренней структуры коллектива. Это и сформировало настоящую реальность таинственной русской души, ее доминанту, ее инстинкт общежития [25].

Имеющий смутное представление о принципах западной демократии, русский человек на практике реализовывал принцип общинной демократии: «В своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено», — такую характеристику русскому характеру давал Ф. М. Достоевский [26, с. 136–149].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что бедность в современной России трансформировалась из временного экономического затруднения в устойчивый статус социальной эксклюзии, сопровождающийся культурной и психологической депривацией. Теоретический анализ показал, что бедность не может быть редуцирована исключительно к нехватке финансовых ресурсов; она выступает как многомерный феномен, порождающий специфическую субкультуру, разрыв социальных связей и стигматизацию малоимущих.

Эмпирический срез, проведенный в Еврейской автономной области (2014–2024 гг.), зафиксировал тревожную динамику трансформации массового сознания: доминирующая ранее эмоция сострадания уступает место стигматизации и равнодушию. Доля респондентов, испытывающих презрение к бедным, возросла с 21,7 % до 37,2 %, что свидетельствует о распространении в обществе позиции дистанцирования от бедных («сами виноваты») и утрате исторически свойственной российской ментальности общинной солидарности.

Причину отчуждения человека от человека, утраты солидарности, распада исторически сложившейся общинной организации бытия мы видим в перенесении западного опыта на российскую почву без учета этнокультурного контекста, исторического опыта страны. Положение ухудшается изменениями в ментальности и самих обедневших людей. Стратегия выживания приводит к отчуждению человека от человека, демонстрирует утрату солидарности, распад исторически сложившейся общинной организации бытия [25].

Борьба с бедностью в России объявлена приоритетом государства. Но система льгот, пособий, экспертиза социальных последствий реформ [27], реформирование системы социального обеспечения [28] в полной мере не решат проблему бедности.

Для снижения остроты проблемы нужны инициативы не только в области решения экономических задач, но и, что наиболее важно, — в изменении стиля мышления, в избавлении от комплекса маргинальности, консолидации провинции и столицы, богатых и бедных, молодых и старых для совместного решения экономических проблем. А это возможно только в том случае, если запускаемые инновационные процессы будут базироваться на фундаментальных основах российской цивилизации, «духовных скрепах», признаваемых и принимаемых народом — носителем этнической культуры, соответствовать культурно-цивилизационному контексту страны, установкам и ориентациям, хранящимся в социальных архетипах русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клисторин В. И. О бедности в России и в мире // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11, № 3, ч. 2. — С. 264–280. — DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280.
2. Смит А. Теория нравственных чувств: [Перевод] / Адам Смит; [Вступ. ст. Б. В. Мееровского, с. 5–28; Подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова]. — Москва: Республика, 1997. — 350 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001761211.pdf> (дата обращения: 03.07.2026).

3. Спенсер Г. Социальная статика / Г. Спенсер. — К.: Гама-Принт, 2013. — 496 с. — URL: <https://klex.ru/e9m?ysclid=mra5xq4c9c288450780> (дата обращения: 04.07.2026).
4. Lewis O. The culture of poverty / O. Lewis // Scientific American. — 1966. — Т. 215. — С. 19–25. — URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/history/research/centres/ehrc/research/previous_research/poverty/lewis_culture_of_poverty.pdf (дата обращения: 01.07.2026).
5. Щепёткин Н. А. Д. Рикардо, Т. Мальтус и Ж. Б. Сей — родоначальники теории заработной платы на базе доктрины рабочего фонда / Н. А. Щепёткин // Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. — 2008. — № 4. — С. 22–30. — EDN: JSFBLZ.
6. Маркс К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1960. — 599 с. — URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (дата обращения: 01.07.2026).
7. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии: По собственным наблюдениям и достоверным источникам: [Перевод] / Фридрих Энгельс. — 5-е изд. — Москва: Прогресс; Лондон: Lawrence of wishart, 1984. — 307 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001223507> (дата обращения: 04.07.2026).
8. Реклю Э. Богатство и нищета / Элизе Реклю; Пер. с фр. М. Л. Блюменфельд под ред. Л. П. Никифорова. — Москва: Л. О. Крумбюгель и Н. Н. Худяков, 1906. — 60 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003738391> (дата обращения: 04.06.2026).
9. Sen A. Poverty and famines: An essay on entitlement and deprivation / A. Sen. — New York: Oxford University Press, 1981. — 266 p. — URL: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2020/04/poverty-and-famines-amartya-sen-1981.pdf> (дата обращения: 04.07.2026).
10. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living / P. Townsend. — Harmondsworth: Penguin Books, 1979. — 1216 p. — URL https://books.google.ru/books?id=weGYy_czvsC&source=ttb&redir_esc=y (дата обращения 04.07.26).
11. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 158–166. — URL: https://scholar.google.at/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=nVzssY8AAAAAJ&citation_for_view=nVzssY8AAAAJ:UeHWp8X0CEIC (дата обращения: 04.07.2026).
12. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000668274> (дата обращения: 04.07.2026).
13. Лапин, Н. И. Тревожная стабилизация / Н. И. Лапин. — Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6. — С. 39–53. EDN: IJBAHT.
14. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 5–23. — URL: https://sbiblio.com/biblio/archive/saslavskaja_soc.html?ysclid=mr7pcdnjlm295048106 (дата обращения: 04.07.2026).
15. Кравцов, Д. И. Проблемы бедности в России / Д. И. Кравцов, В. В. Понкратьев // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2018. — № 1. — С. 107–118. EDN: XNYXVB.

16. Федотов, А. А. Алкоголизм и наркомания: региональный анализ / А. А. Федотов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10-2(49). — С. 192–200. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11145.
17. Столь, А. В. Связь проблемы алкоголизма и наркомании, качества жизни, уровня бедности и безработицы в регионах России / А. В. Столь // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2023. — № 4. — С. 68–82. DOI: 10.15593/2224-9354/2023.4.5.
18. Артемьев И. А., Владимирова С. В. Взаимосвязь бедности и наркотизма. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2020; 1(106): 31–42. URL: [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-1\(106\)-31-42](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2020-1(106)-31-42) (дата обращения 04.07.26).
19. Шальнова, С. А. Потребление алкоголя и зависимость от социально-демографических факторов у лиц трудоспособного возраста (по данным исследования ЭССЕ-РФ) / С. А. Шальнова, С. А. Максимов, Ю. А. Баланова [и др.] // Профилактическая медицина. — 2019. — Т. 22, № 5. — С. 45–53. — DOI: 10.17116/profmed20192205145.
20. Красин Ю. Социальное неравенство в политическом измерении [Текст] / Ю. А. Красин // Свободная мысль. — 2006. — № 2. — С. 32–45. EDN: SWJMPX.
21. Пайпс Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс; пер. с англ. Демида Васильева. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 414 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004166832> (дата обращения: 04.07.2026).
22. Путь духовного обновления [Текст] / Иван Ильин; [сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов]. — Изд. 2-е. — Москва: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2017. — 1298 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008694467> (дата обращения: 04.07.2026).
23. Гумилев Н. Л. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Лев Гумилев. — Москва: Айрис Пресс, 2019. — 558 с. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011974923/ (дата обращения: 04.07.2026).
24. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер; пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. — 702 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001699288> (дата обращения: 04.07.2026).
25. Невеличко, Л. Г. Бедность — угроза единству общества / Л. Г. Невеличко // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2026», Москва, 19 февраля 2026 г.: сборник материалов. — Москва: МАКС Пресс, 2026. — С. 242–244. — DOI 10.29003/m5311.SR-XX_2026.
26. Достоевский, Ф. М. Пушкин (Очерк) / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 26. — 518 с. URL: <https://classica.rhga.ru/section/rro-et-contra/pushkin-ocherk.html> (дата обращения 04.07.2026).
27. Козлова, О. А. Сокращение бедности в России в контексте реализации национальных целей развития / О. А. Козлова, М. Н. Макарова // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17, № 4. — С. 770–780. — DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.2.
28. Байматов, П. Н. Социальное обеспечение как инструмент борьбы с бедностью в Российской Федерации / П. Н. Байматов // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 3. — С. 88–91. EDN: EBWRPS.

Nevelichko Lyubov Grigorevna

Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia

E-mail: lnevelichko@bk.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=655894

Vorotilkina Irina Mikhailovna

Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia

E-mail: btb-irina@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9976-0998>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=291580

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57188718369>

Belkina Natalia Vasilevna

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

E-mail: belkina.natalia@gmail.com

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1012889

Poverty as a social problem in russian society: sociocultural dimensions and the transformation of public perception

Abstract. This study explores poverty as a systemic phenomenon that requires a comprehensive approach to understanding its essence. The relevance of this research is driven by the need to comprehend the sociocultural nature of poverty, as well as to analyze the dynamics of public attitudes towards the impoverished population. The aim of the study is to substantiate priority directions for social policy, taking into account the regional and socio-mental context. The objectives are to identify the sociocultural characteristics of poverty in contemporary Russia and to analyze the transformation of public attitudes towards the low-income population. Methodology. The study draws upon the concepts of social Darwinist and egalitarian approaches. The empirical base comprises data from sociological surveys conducted in the Jewish Autonomous Oblast (JAO) in 2014, 2018, and 2024 (N = 340), alongside statistical data from Rosstat. The research employs structural-functional, comparative, and factor analyses. Results. The study demonstrates that poverty acts as a driver of social anomie and stigmatization, indicating a decline in the communal solidarity historically inherent in the Russian mentality. It is established that the impoverished, as a distinct social group, are increasingly being marginalized and pushed to the periphery of public consciousness. Furthermore, it is substantiated that assistance to the poor is fading from the mainstream public agenda, becoming a source of social tension. The rift in the social sphere is accompanied by an ideological schism, posing a tangible threat to the integrity of national identity. Conclusion. Overcoming poverty requires moving beyond purely economic measures. Effective social policy must be grounded in the fundamental foundations of Russian civilization, incorporate cultural and historical archetypes of mutual assistance, and be directed towards overcoming social alienation, consolidating society, and revitalizing mechanisms of solidarity across diverse social groups.

Keywords: poverty; social exclusion; underclass; subculture of poverty; mentality; stigmatization; social solidarity